

КУЛЬТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РУССКОЙ ПРОЗЫ 1850-х ГОДОВ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ ЭПОХАЛЬНОЙ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Статья посвящена рассмотрению русской прозы 1850-х годов как пространства культурно-семиотических трансформаций эстетической парадигмы эпохи. Основные векторы семиотических изменений от 40-х к 50-м годам XIX века связаны с переосмыслением гендерных предпочтений, аксиологической шкалы характерологии персонажей, а также с увеличением структурообразующей функции литературных приемов и с формированием мифа национального пространства.

В центре внимания нашей работы находится культурно-семиотическое пространство прозаических произведений 1850-х годов как переходная система. Именно в переходное время обнаруживается относительность границ между разными культурными периодами и вообще между сферой культуры и того, что выходит за ее границы, «природой». Изучение изменений культурно-семиотических тенденций в переходные эпохи не только способно вскрыть логику движения культуры от одного состояния к другому, но и позволяет увидеть вероятные альтернативные сценарии развития культурно-семиотической системы, а также определить статус менее важных смысловых ориентиров и их потенциал с точки зрения последующего влияния на эпохальный процесс семиозиса. Т. е. наблюдение над переходными этапами культуры обнаруживает нелинейность ее развития и сложную преемственность составляющих ее семиотических компонентов и связывающих их тенденций.

Десятилетия 40-50-х годов XIX века исследователи традиционно определяют как границу, которая разделяет разные эпохи, разные доминантные смысловые интенции. Интересующие нас 1850-е годы – это время, когда эстетическая парадигма предшествующей поры уже перестала оказывать тотальное влияние и в качестве предмета критики, и как точка отсчета для поиска новых идей, форм и художественных ориентиров. В 50-е годы XIX века, очевидно, эти поиски уже начали воплощаться в конкретных произведениях, поэтому динамический потенциал эпохи связан уже с формированием новых эстетических тенденций, которые конкурируют

не только с отживающей системой, но и между собой.

В данной статье мы обратим внимание лишь на те концептуальные различия, которые появились в культурно-семиотическом пространстве прозы 1850-х годов по сравнению с 1840-ми, и, опираясь на количественные показатели, реконструируем картину сосуществующих в этот историко-литературный период векторов развития семиотического пространства прозы. В основу количественного исследования легли результаты полевого анализа заглавий прозаических произведений, написанных и / или напечатанных в 40-50-е годы XIX века, иерархизированные с помощью статистических методов (о семантических полях см. [Кузнецов-1986]).

Выбор заглавий для экспликации литературных интенций эпохи не случаен, т. к. основная функция, выполняемая этим рамочным компонентом любого текста, – «раскрытие самой важной темы» [Виготский-1998, с. 202] произведения, более того, «заглавие текста в качестве имени произведения есть *энергия сущности* самого произведения. <...> В качестве таковой «энергии»... оно есть само произведение, то есть *эквивалентно* именуемому» (курсив источника цитирования. – Н. З.) [Тюпа-2001, с. 115]. Отметим также, что заглавие всегда представляет текст во внешнем мире, а значит, репрезентативная выборка заглавий какой-либо эпохи становится объективным выразителем «сущности» этой эпохи и, соответственно, является важным материалом для определения характерных для нее векторов семиозиса. Именно поэтому даже в случае, если заглавие кардинально переосмысливается по отношению к самому тексту (вплоть до проти-

воположности семантики, как это бывает в произведениях с доминирующим модусом комического), запечатленные в нем семы в общем контексте эпохи не теряют своей репрезентативности и актуальности.

Мы останавливаемся только на исследовании заглавий прозаических произведений художественного творчества (романов, повестей, рассказов) и тех прозаических жанров, которые, занимая промежуточное место между художественной и нехудожественной прозой, с 40-х годов XIX века начинают приобретать статус художественной литературы (имеются в виду очерки, мемуары): их можно считать периферийными компонентами художественного дискурса. Литературно-критические статьи, научные статьи и диссертации не рассматривались, поскольку они являются частью кардинально иного дискурсивного пространства; заглавия же поэтических произведений были исключены, т. к. с 1840-х годов начинается явное доминирование прозаических жанров, поэзия же значительно уступает и в количественном, и в качественном отношении.

Для анализа мы отобрали все заглавия прозаических произведений 1840-50-х годов, упомянутые в библиографическом словаре «Русские писатели» (под редакцией П.А. Николаева) [Русские писатели-1990]. В данном словаре представлены статьи о 152 литераторах разной степени значимости, творческая деятельность которых осуществлялась в интересующую нас эпоху. В итоге, в центре нашего внимания оказалось 532 заглавия (в 1840-е – 221; в 1850-е – 311). Таким образом, материал для анализа мы отобрали путем исчерпывающей сплошной выборки из совокупности, составленной авторами словарей по аксиологическому принципу, т. е. так, чтобы творчество каждого писателя было представлено наиболее репрезентативными произведениями. То обстоятельство, что в нашу выборку вошли заглавия наиболее важных для истории литературы произведений, а также то, что литераторы принадлежали к разным ценностным рядам творческого наследия 40-50-х годов XIX века, свидетельствует об адекватном отражении проанализированной выборкой генеральной

совокупности названий данного периода и о достоверности результатов.

Значимостью для характеристики культурно-семиотического пространства 1840-50-х годов, конечно, обладают не все семантические поля и не все связи, образованные ими. Для дифференциации полей по степени значимости и семантической активности мы применяем процедуры, разработанные в математической статистике и в теории вероятности (подробнее о статистической обработке данных см. [Гласс, Стэнли-1976; Лакин-1980]). Оценка выявленных семантических полей происходила по двум важным критериям – частотности и валентности. Показатель частотности поля свидетельствует о том, как часто это поле встречается в выборке, т. е. насколько предпочтительным в рамках культурно-исторического периода 40-50-х годов XIX века является комплекс сем, входящих в поле. Валентностью поля мы называем его способность образовывать значимые связи с другими полями. Валентность свидетельствует о семантической активности поля, т. е. о том, как часто компоненты этого поля вступают в ассоциативно-смысловое взаимодействие с компонентами других полей, образуя непрерывность семиотического пространства эпохи.

В центре нашего внимания оказались те поля, частотность и валентность которых были выше статистического порога значимости, для частотности мы установили пороговый показатель среднее $+ 0,5\sigma$, для валентности – среднее $+ 1\sigma$.

Сопоставительный анализ состава семантических полей, актуализировавшихся в 1840-е и в 1850-е годы, их содержательного наполнения и динамики их валентности и частотности дал нам возможность определить направления эстетического изменения, осуществлявшегося в это время.

В процессе исследования культурно-семиотического потенциала выборки заглавий 1850-х годов обнаружилось, что общая тенденция к онтологизации структурных принципов организации художественного мира, как и в 1840-е годы, остается актуальной и даже усиливается в рамках системы (см. рисунки 1 и 2) – удельный вес поля «организа-

ция произведения» по сравнению с другими полями в 1850-е годы явно возрастает: оно переходит на первое место по частотности, сохраняя при этом самую высокую валентность. Однако мы также видим, что начинает уточняться и трансформироваться состав полей, представляющих собой конкретное воплощение востребованных эпохой принципов построения пространства произведения, т. е. намечается качественное изменение направления историко-культурных процессов.

Это обстоятельство подтверждается динамикой показателей валентности и частотности от 1840-х к 1850-м (см. рисунки 1 и 2): у основной части повторяющихся полей валентность и частотность имеют явную тенденцию к снижению, т. е. происходит деактуализация ранее активных иерархических связей и наблюдается уменьшение собственной значимости подавляющего количества полей. Но наряду с замеченной культурно-семиотической хаотизацией и индифферен-

циацией при анализе выявились семантические блоки, на общем фоне увеличивающие свою значимость, что, несомненно, свидетельствует о начале стабилизационных процессов и указывает на семиотические векторы возможной стабилизации.

Так, например, увеличилась частотность (единственный случай из повторяющихся семантических блоков) и валентность поля «характеристики». Вместе с повышением значимости это поле приобрело большую дифференцированность, а значит, в творческом сознании авторов 1850-х годов некоторые конкретные признаки, качества, свойства – атрибутивно-оценочные суждения начинают оказывать уже направленное, определенное влияние на процесс порождения художественной реальности. Уточнение общей роли «характеристик» в эпохальном контексте означает, прежде всего, смену аксиологической шкалы – т. е. повышенное внимание к тому, что должно и не должно

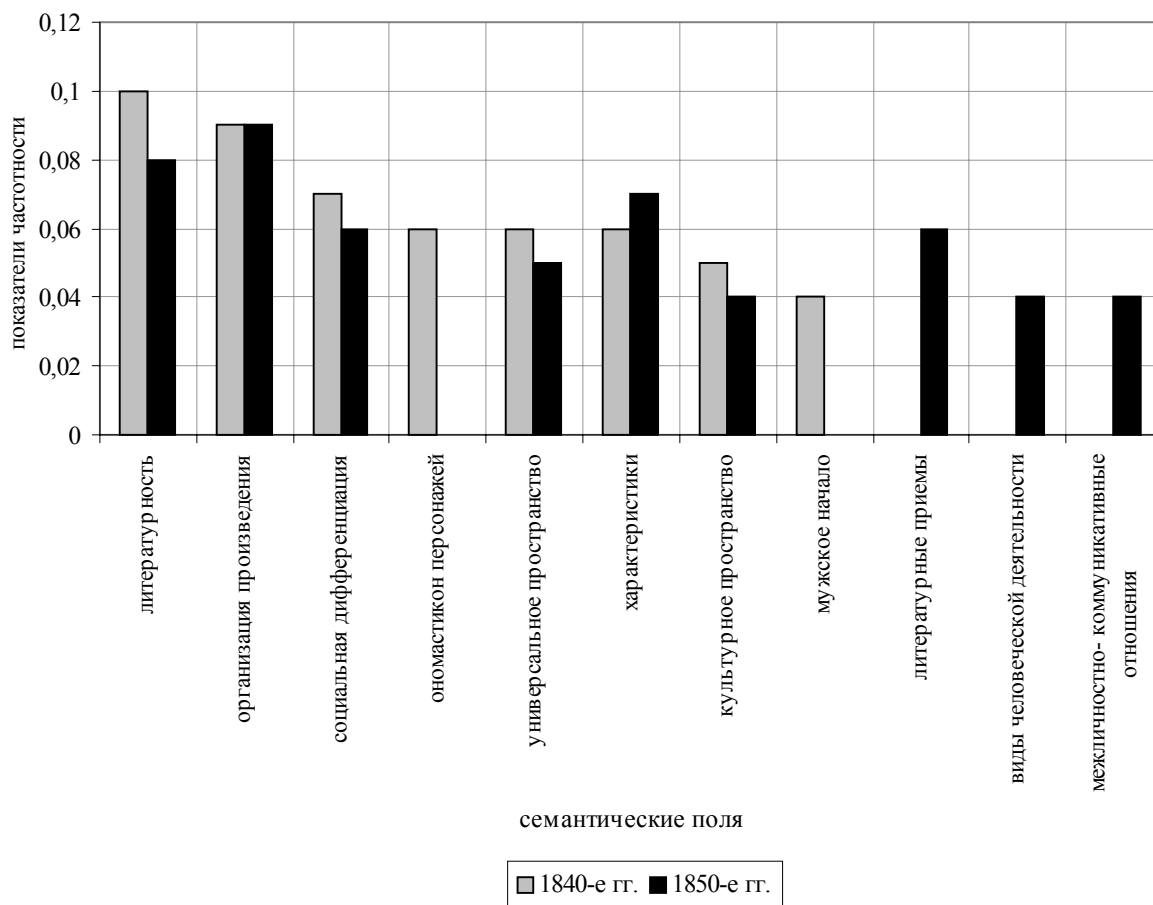

Рисунок 1. Динамика частотности семантических полей от 1840-х к 1850-м годам

быть охарактеризовано, к параметрам и средствам характеристики.

Очень большую долю компонентов поля «характеристики» в 1850-е годы начинают занимать негативные оценки (30% от общего количества сем данного поля). «Негативность» предстает здесь и как некие дурные качества – внешние и внутренние («Фанфарон» (А.Ф. Писемский, 1854), «Доморощенные наброски русского ленивца и ипохондрика» (Н.Ф. Щербина, 1857-67)), и как склонность к деструктивным действиям («Донос» (Н.А. Добролюбов, 1857), «Хлебное дельце» (В.И. Даль, 1857)), но самая многочисленная группа негативных характеристик связана с пассивностью, страдательной позицией и внутренней безликостью и пустотой оцениваемого субъекта, объекта или события («Поврежденный» (А.И. Герцен, 1851), «Письма «пустого человека» в провинцию о петербургской жизни» (М.В. Авдеев, 1852-53), «Дневник лишнего человека» (И.С. Тургенев, 1850), «Неудавшаяся жизнь» (Д.В. Григорович, 1850)).

В рамках поля «характеристики» обнаружили себя еще две не столь сильные, но достаточно отчетливые группы параметров. Прежде всего это сфера сенсорных переживаний, актуализирующая аудиальные и визуальные способы восприятия, оценки и чувственного присвоения окружающего мира («Баритон» (Н.Д. Хвоцинская, 1857), «Затишье» (И.С. Тургенев, 1854), «Беленькие, черненькие и серенькие» (И.И. Лажечников, 1856), «Ночь под светлый день» (Н.В. Успенский, 1859)). Подобный способ экспликации характеристик указывает на точку зрения, требующую личного присутствия, вовлеченности в изображаемые события (фигура рассказчика), и на констатирующе-очевидническую манеру воссоздания событий как на доминирующие культурно значимые приемы организации художественного пространства произведения.

Кроме сенсорной приобретает самостоятельность телесная сфера. Телесные образы, использующиеся в качестве ключевых в художественной системе произведений, свидетельствуют о трансформации человеческой природы, о начале перераспределения

аксиологических акцентов в пользу внешней представленности человека в мире, и даже о смене способов описания окружающего мира («Из писем путешественника во внутренности Англии» (А.И. Герцен, 1856), «Двухаршинный нос» (В.И. Даль, 1856) «Мертвое тело» (В.И. Даль, 1857), «Мертвое тело» (И.А. Салов, 1858-59), «Кулачок» (С.В. Максимов, 1856)).

В целом тот факт, что в 1850-е годы основным «художественным поводом» для оценочного суждения начинает служить значимое отсутствие конструктивных характеристик персонажа, указывает на кризис личности, героя, характерный для исследуемых десятилетий. Но одновременно именно данное обстоятельство становится одним из ведущих принципов поступательного развития художественного пространства произведения и всей системы прозы 1850-х годов. Так, с подобной конкретизацией оценочных интенций связана активизация поля «материальный мир» (в 1840-е годы оно себя не проявляло). Семы этого поля не только свидетельствуют о пробудившемся всеобщем интересе к миру быта и вещей, но и (даже в большей степени) о распространении способа характеристики персонажа, изображения его духовного обнищания через овеществление («Великосветский хлыщ», «Провинциальный хлыщ», «Хлыщ высшей школы» (И.И. Панаев, 1854-57), «Своя рубашка» (С.Т. Славутинский, 1859), «Тысяча душ» (А.Ф. Писемский, 1858), «Игрушечка» (М. Вовчок, 1859) и сразу два произведения с симптоматичным заглавием «Мертвое тело» (В.И. Даль, 1857 и И.А. Салов, 1858-59)).

Интересно, что, очевидно, в качестве альтернативной структурной тенденции в рамках всей системы начало выступать еще одно ранее не востребованное поле – «виды человеческой деятельности», которое сразу обрело силу и по частотности и по валентности. Основные семы этого поля связаны с конкретной деятельностью (в том числе профессиональной – что знаково): «Выкуп» (М. Вовчок, 1859), «Слобожане» (Г.П. Данилевский, 1853), «Лов красной рыбы в Саратовской губернии» (А.А. Потехин, 1857), «Рыбаки» (Д.В. Григорович, 1853). Но присутствию

ют также общие указания на приобщенность к действию, обуславливающему изменение некой ситуации в мире или в жизни человека: «Правое дело» (С.Т. Славутинский, 1859-60), «Набег» (Л.Н. Толстой, 1853), «Поездка в Полесье» (И.С. Тургенев, 1853-57), «Необдуманный шаг» (А.Я. Панаева, 1850).

Таким образом, в контексте семиотических трансформаций эпохи структурным антонимом организации художественного мира становится активная деятельность – как в символическом смысле – подключения к универсальным процессам мироустройства, так и в виде непосредственных действий, поступков, повседневной работы. Однозначная конструктивность и даже живительность деятельностной активности подчеркивается системной соотнесенностью компонентов поля «виды человеческой деятельности» с так-

же новым для пространства прозы 40-50-х годов XIX века семантическим блоком «природа». Подобная корреляция, очевидно, свидетельствует о появлении устойчивого представления о том, что областью органичного взаимодействия человека и природных сил является инициативная активность мира людей, которая предстает и в виде здорового труда, погружения в природное бытие, и в виде разного рода исследовательской деятельности, и в виде явной или неявной экспансии человеческого способа жизни в природу: «Лов красной рыбы в Саратовской губернии» (А.А. Потехин, 1857), «Гусиное озеро» (Н.А. Бестужев, 1854), «Рыбаки» (Д.В. Григорович, 1853), «Медвежий угол» (П.И. Мельников, 1857), «Царь Алексей с соколом» (Г.П. Данилевский, 1856), «Лесник» (И.А. Салов, 1858-59), «Рубка леса» (Л.Н. Толстой, 1855).

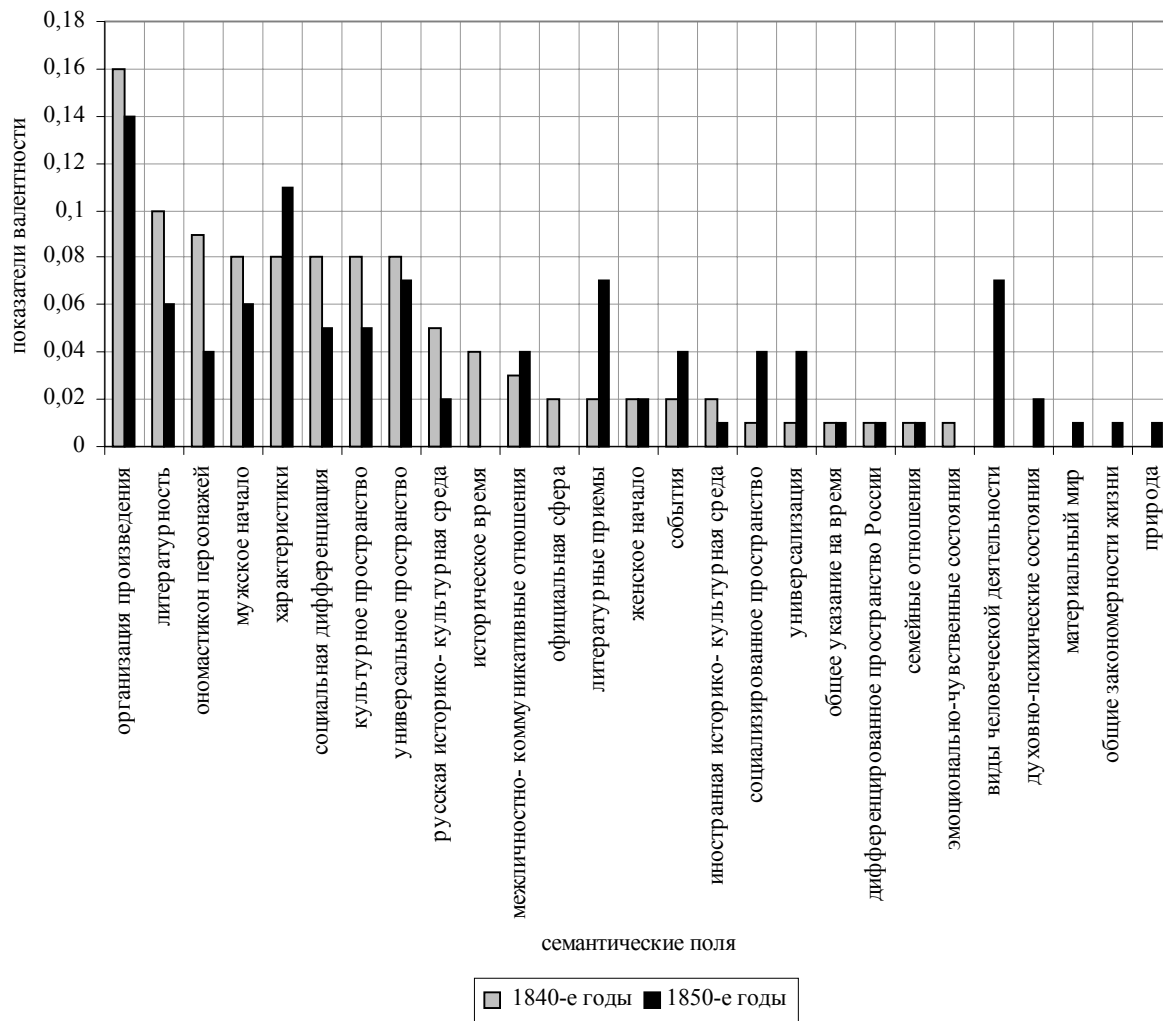

Рисунок 2. Динамика валентности семантических полей от 1840-х к 1850-м годам

Актуализация проблемы соотношения мира людских ценностей и природы связана с процессами усложнения представлений о социуме как самостоятельной реальности. Если ранее, в 1840-е годы, приобрела популярность рефлексия по поводу сословной организации общества и иерархических отношений между сословиями (сильная позиция в системе поля «социальная дифференциация» и единственный уточняющий его семантический блок – «официальная сфера» указывали на это), то в 1850-е годы значительно усиливается «социализированное пространство». Данное поле, очевидно, связано с началом активного осмысления пространства в категориях социума и объяснения социальных закономерностей через специфику пространства. Причем «социализированное пространство» образуется главным образом семами, функционирующими в провинциальном дискурсе: «Село Сорокопановка» (Г.П. Данилевский, 1859), «Сельская аптека» (Н.В. Успенский, 1859), «Львы в провинции» (И.И. Панаев, 1852). Исследование вертикальной организации социума сменилось погружением в русскую провинциальную «горизонталь», дополнительным свидетельством того мы считаем полную деактуализацию поля «официальные отношения» в 1850-е годы.

Таким образом, в 50-е годы XIX века провинциальное пространство попадает в поле художественно-литературного внимания и оказывается задействованным в процессе эпохального семиозиса, что способствует переосмыслению необъятных просторов России в качестве культурно-мифологической категории и формированию мифа национального пространства. Примечательно, что из системы прозы 1850-х годов практически полностью исчезает время как культурно-семиотический фактор. Поле «историческое время», в 1840-е годы проявившее себя как периферийное, не вошло в семиотическую систему прозы следующего десятилетия, остались лишь семы «общего указания на время», но и они в рамках системы приобрели статус реликтовых компонентов, не имеющих самостоятельного веса.

Взгляд на активность как на необходимый способ утверждения положительной

творческой проявленности в художественном мире подкрепляется изменением статуса поля «литературные приемы»: в 1850-е годы оно вошло с достаточно высоким показателем в число частотных полей, а также у него значительно возросла валентность. Литературные приемы являются аналогом продуктивной деятельности в литературном пространстве, что указывает на усиливающуюся тенденцию к расширению функциональной и онтологической значимости литературных стратегий (помним о сильном семантическом влиянии «организации произведения» и «литературности») при повышенной рефлексии над разными формами реального бездействия. Т. е. дестабилизированное состояние бытия становится самым продуктивным поводом для литературной активности.

Об этом же свидетельствует повышение значимости поля «межличностно-коммуникативные отношения» (усиление как по частотности, так и по валентности), семы которого предполагают акцентирование на целостной коммуникативной ситуации, включающей факт межличностного взаимодействия. Но самая распространенная коммуникативная ситуация – изображаемая, а также являющаяся источником разворачивающегося художественного мира – это ситуация декоммуникации, непонимания, одиночества, отвергнутости миром или отвержения его ценностей: «Дневник лишнего человека» (И.С. Тургенев, 1850), «Забытая усадьба» (И.А. Салов, 1858-59), «Изгоев» (М.Л. Михайлов, 1855), «Бобыль» (Н.В. Успенский, 1859).

Активизация в пространстве прозы 1850-х годов семантических компонентов поля «духовно-психические состояния» обусловлена, видимо, изменением смысловых акцентов в блоках «характеристики» и «межличностно-коммуникативные отношения», т. к. из-за усиливающихся настроений одиночества, тоски по деятельности при неспособности к таковой, оторванности от внешнего мира соответственно повышается интерес к внутреннему миру человека. В этой же связи уходит из числа культурно значимых эмоционально-чувственная сфера (поле «эмоционально-чувственные состояния»). Изменение шкалы эмоциональности и интенсивности

переживания чувств на эпохальном уровне, видимо, противопоставило духовную жизнь, глубокие внутренние переживания эмоциональным состояниям. Эмоциональность рассматривается как эстетический знак уходящих эпох, переосмысления и наделения этой сферы человеческой жизни не происходит, а потому в художественном творчестве описание эмоционально-чувственных состояний становится неактуальным.

Значимость сем, связанных с разными сторонами деятельности человека в мире, существенно повлияла на повышение валентности поля «события», т. к. в 1850-е годы, судя по результатам анализа, события и поступки как воплощение внутреннего потенциала персонажа находятся в отношениях взаимовоздействия. Зачастую изображаемые события соотносятся либо с вербальной реализацией или нереализацией («Встреча» (С.В. Максимов, 1855), «Три встречи» (И.С. Никитин, 1852)), либо характеризуют героя с позиции способности / неспособности к конструктивной деятельности («Обрученные» (А.В. Дружинин, 1857), «Галичская ярмарка» (Ф.Д. Нефедов, 1858-59), «Переселенцы» (Д.В. Григорович, 1855-56)).

Интересно, что поле «универсализация», в 1840-е годы занимавшее периферийную позицию, в следующее десятилетие значительно увеличило свою семантическую активность. Очевидно, это обстоятельство обусловлено тем, что обобщенность, охват большого количества предметов, явлений, событий, действий, личностей, свойственные семам этого поля, в 1850-е годы уже приобрели соответствующие новым эстетическим требованиям черты (собственно, типизация в той или иной мере характерна для всех художественных направлений) и в этом качестве начали распространяться в формирующемся тогда художественном пространстве, а следовательно, стали играть более значимую роль в семиотической системе прозы. Логично, что подобная активизация обобщающе-типизирующих тенденций эпохи обусловила появление такого ранее неостребованного поля, как «общие закономерности жизни», семы которого связаны с универсальными чертами жизни как таковой,

жизни как явления, объединяющего все существа на земле: «Три поры жизни» (Е. Тур, 1854), «Жизнь и ее странности» (П.И. Вейнберг, 1858), «Приключения, почерпнутые из моря житейского» (А.Ф. Вельтман, 1846-63), «Детство» (Л.Н. Толстой, 1852), «Отрочество» (Л.Н. Толстой, 1854), «Юность» (Л.Н. Толстой, 1855-56).

Усиление тенденций универсализации в контексте эпохи значительно снижает роль индивидуального семиотизованного пространства или встраивает его в более широкий контекст: поле «ономастикон персонажей», ранее являвшееся одним из доминирующих, значительно теряет свои позиции. Но одновременно качественно трансформируется и взгляд на гендерный фактор. Тенденция к обобщению частных характеристик, явлений, процессов, а также стремление взглянуть на природу человека с новых позиций, обусловленное наметившимся кризисом личности и понимания места человека в мире, способствовали усилению интереса к «женской теме». Литературное осмысление «женского вопроса» как бы восполняет односторонность образа человека, обнаружившего в эту эпоху полный комплекс черт деградации. Но на системном уровне данная тенденция пока выражается в виде значительного ослабления влияния поля «мужское начало»: оно выходит из числа частотных полей, т. е. семы этого поля перестают быть предпочтительными для характеристики центрального персонажа (иными словами, он перестает быть мужчиной «по умолчанию»).

Таким образом, динамика семантических изменений, произошедших в 1850-е годы, свидетельствует о появлении ряда четких тенденций, предопределивших развитие литературы в XIX веке. Прежде всего это существенная трансформация образа центрального персонажа, основной характеристикой которого стала его тотальная «негероичность». Фокусирование художественного взгляда на слабости персонажа, на его неспособности совладать с обстоятельствами либо на его духовно-нравственной деградации под воздействием обстоятельств в историко-культурном контексте оборачивается повышенным вниманием к организации

произведения. Являясь одновременно идеологическим, структурным, сюжетно-композиционным центром художественного мира, образ героя как носителя самоценного сознания в 1850-е годы либо усугубляет аутистические черты, либо расширяет свои семиотические границы за счет не востребованного ранее женского гендерного полюса (своеобразное обращение к «асистемному» элементу для стимулирования развития системы), либо постепенно передоверяет свои структурообразующие функции и замещается событием, деятельностью, знаком социально-профессиональной принадлежности. Следствием подобной историко-литературной рефлексии о герое явилась активизация языко-

вой материи художественного произведения – литературные приемы из вспомогательного средства характеристики превращаются в источник развития образов, действия и начинают обуславливать интертекстуальную преемственность пространства русской литературы.

Кроме обозначенных семиотических трансформаций в интересующую нас эпоху переосмысливается социальная организация России, что положило начало культурно-историческому обоснованию национального пространственного мифа, замещающего собой принятые в Европе представления о законах сословно-классовой иерархии общества.

Список использованной литературы:

1. Выготский, Л.С. Психология искусства. – Ростов н/Д.: Феникс, 1998. – 480 с.
2. Гласс, Дж., Стэнли, Дж. Статистические методы в педагогике и психологии. – М.: Прогресс, 1976. – 496 с.
3. Кузнецов А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу. – М.: Наука, 1986. – 126 с.
4. Лакин, Г.Ф. Биометрия. – М.: Высш. шк., 1980. – 293 с.
5. Русские писатели. Биобиблиогр. слов.: В 2 ч. – М.: Просвещение, 1990. – Ч. 1. – 432 с. – Ч. 2. – 448 с.
6. Тюпа, В.И. Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ). – М.: Лабиринт, РГГУ, 2001. – 192 с.